

СОДЕРЖАНИЕ

О рисках и побочных эффектах	9
1. Что особенного в классическом искусстве?	23
2. В круговороте ритуала	67
3. Город на грани катастрофы	121
4. Что важно в итоге	171
Жизнь продолжается	205
Благодарности	211
Примечания	213

*Помпея выглядит как всякий другой город. Человеческая
природа та же. И для живых, и для мертвых стоит
все та же погода. Помпея словно проповедь утешения.
Помпеи мне нравятся больше, чем Парижи*.*

Г. Мелвилл. Дневник (1857)

* Мелвилл Г. Энкантадас, или Очарованные острова: Дневник путешествия в Европу и Левант (11 октября 1856 — 6 мая 1857) / Пер. В. Н. Кондракова, Н. В. Димчевского. — М.: Мысль, 1979. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

О РИСКАХ И ПОБОЧНЫХ ЭФФЕКТАХ

Я не подозревал, что сердечные приступы, в том числе с летальным исходом, нередки среди посетителей Помпей, пока опытная сотрудница деликатно не обратила на это мое внимание через несколько недель после того, как я стал директором этого объекта ЮНЕСКО, в апреле 2021 г. С тех пор мы дополнительно усилили службу скорой медицинской помощи в античном городе. Из примерно 600 вызовов в год около 20% связаны с сердечно-сосудистыми проблемами. Обычно это списывают на жаркую погоду. Но единственная ли это причина?

В 2018 г. во Флоренции в полностью кондиционированном зале галереи Уффици у посетителя случился сердечный приступ перед «Рождением Венеры» Боттичелли. В СМИ заговорили о синдроме Стендаля, названном так в честь французского писателя, который в 1817 г., во время посещения базилики Санта-Кроче во Флоренции, впал в своего рода экстаз при виде окружающих его памятников искусства

и истории. В 1970-х гг. флорентийский психиатр Грациелла Магерини обнаружила подобные симптомы у туристов, посещавших город. Так появился «синдром Стендаля»¹. Поскольку официально этот синдром не признан заболеванием, список его симптомов остается открытым. Помимо сердечных приступов, также упоминаются учащенное сердцебиение, одышка и гипервентиляция легких, обморок, головокружение, повышенное потоотделение, тошнота, галлюцинации.

Мне еще не приходилось испытывать его на себе. Но есть несколько мест в Помпеях, где я не чувствую себя защищенным. К их числу относится Орто-деи-Фуджаски, Сад беглецов, на южной окраине античного города. Здесь археологи обнаружили 13 жертв извержения вулкана, который однажды осенним днем 79 г. н. э. погреб Помпеи под многометровым слоем пепла. Среди жертв несколько маленьких детей. Примерно в 7:30 утра, почти через 20 часов после начала извержения, они встретили здесь свою гибель, пытаясь выбраться из города. Настигнутые волной раскаленных газов, около 400 °С, которая распространялась со скоростью почти 100 км/ч от расположенного рядом вулкана Везувий, беглецы были повержены на землю. Многие защищают лицо руками, один мужчина из последних сил пытается привстать. Маленький мальчик держится за грудь, беспомощный против мощной ударной волны из пыли и пепла, накрывшей его с головой. Он кажется спящим, его рот слегка приоткрыт.

Это только 13 из 1300 жертв извержения Везувия, найденных при раскопках в Помпеях на сегодняшний день, но 13, чьи черты лица, прически, одежда, телосложение нам точно известны, словно они умерли несколько часов назад. Пепел и пыль, окутав их, затвердели, а сами тела разложились, оставив таким образом полость в породе.

Когда во время раскопок с апреля по июнь 1961 г. археологи находили эти полости, они заливали в них гипс. Так, спус-

стя 19 веков, слепки этих людей оказались перед нами. Или это все же не слепки, а они сами? Как обращаться с такими «находками»? И что наше обращение с ними может рассказать о нас самих?

Такие вопросы в Помпеях иногда требуют совершенно конкретных ответов. Например, когда я веду группу потенциальных спонсоров из Торгово-промышленной палаты Неаполя по Помпеям, как это произошло через несколько недель после моего приезда сюда. Тогда я вновь увидел эти полные ожидания лица, как бы требующие: давай, начинай! Объясни нам, зачем мы вообще здесь, стоило ли ради этого приезжать. Должен ли я включить детей, женщин и мужчин из Сада беглецов в свою экскурсию и попытаться поделиться своим переживанием с людьми из Торгово-промышленной палаты? Или это стало бы своего рода предательством? Выдал бы я, говоря о 13 жертвах, что-то сокровенное и о себе самом? В конце концов, может быть, в этом будет часть и моей вины, если у кого-то из экскурсантов разовьется синдром Стендаля?

Эта книга на все эти вопросы отвечает: «Да!» Поскольку на моем профессиональном пути археолога — от работы экскурсоводом в Пергамском музее в Берлине во времена учебы до Помпей — мне давно стало ясно: проблема не в синдроме Стендаля. Статистически сердечные приступы и прочие симптомы в Помпеях случаются не чаще, чем в любой другой пешеходной зоне. Проблема в другом, обозначим ее так: синдром коллекционера.

СИНДРОМ КОЛЛЕКЦИОНЕРА

Коллекционер рассматривает все с позиции обладания: подойдет ли это для моей коллекции? Собрал ли кто-то больше, чем я? Постоянная оценка, накопление, сравнение, взвешива-

ние, экспертиза. Он воспринимает мир как некий супермаркет, где нужно набить товарами тележку — насколько хватит средств на кредитной карте.

Я постоянно встречал людей, владеющих коллекциями античных произведений искусства, и поверьте мне: я не завидовал никому из них, скорее жалел, что такая замечательная вещь, как археология, низведена до груды движимого имущества. Однако синдром коллекционера распространяется не только на собирателей древностей. В определенной степени мы все им страдаем — это просто черта нашего материалистического мира.

Согласно одному научному исследованию, существует два важнейших мотива посещения музея: накопление знаний и впечатлений². При ближайшем рассмотрении выясняется, что под «накоплением впечатлений» подразумевается возможность поставить галочку: побывать в Помпеях — сделано! Впечатление, которое нуждается в отметке о получении, выбирают исходя из того, что на слуху. То есть эта группа посетителей направляется туда, где непременно надо отметить. Это как бы выполнение дел по списку. Как, ты никогда не был в Лувре?.. Тогда вперед, иначе ты не полноценный человек/археолог/историк искусства! Одним словом, страдающие синдромом коллекционера живут с постоянным ощущением того, что нужно еще куда-то спешить, еще кем-то стать, еще что-то приобрести, будь то знания, опыт или имущество.

Я бы даже предположил, что коллекционирование в широком смысле является самой сильной мотивацией, по крайней мере судя по большинству посетителей, с которыми я сталкивался в качестве гида в археологических музеях и парках. Прежде всего они хотят узнать: зачем вообще они добавили это место в свой список достопримечательностей.

Потребность отметить и поставить галочку, конечно, прекрасно удовлетворяется с помощью социальных сетей.

То, что люди сначала фотографируют, а потом смотрят, мои бабушки и дедушки сочли бы за шутку, но сегодня мы уже давно к этому привыкли. И это совершенно нормально, речь ведь не о том, чтобы что-то кому-то навязывать.

Иначе обстоит дело с еще одним симптомом синдрома коллекционера: забрать с собой что-нибудь на память. Каждую неделю в Помпеи приходят посылки и пакеты с кусочками лавы, фрагментами мозаики или глиняными черепками, которые кто-то прихватил с собой. Раскаяние настигает через годы, иногда через десятилетия — недостаток коллекционирования заключается в том, что накопленное в какой-то момент может оказаться обузой. Предметы из Помпей (их вынос за пределы археологической зоны, кстати, преследуется законом) к тому же, согласно распространенному поверью, приносят несчастье. Иной раскаявшийся собиратель сопровождает возврат перечнем случившихся с ним бед, что порой даже вызывает сочувствие. Мне уже доводилось читать о разводах, потере работы и даже об онкологических заболеваниях. Вот, к примеру, письмо, датированное летом 2022 г.:

*Уважаемый директор музея,
я собиратель камней, и везде, где бы я ни оказался, я подбираю
большой или маленький камень.*

*Поэтому, когда я посетил Помпеи в 2012 г., я подобрал
вот эти камни и маленький кусочек керамики, который на-
шел на земле.*

*Некоторое время назад я прочитал статью на сайте CNN,
а также в Lonely Planet, где речь шла о людях, возвращавших
взятые предметы, потому что они принесли им несчастье.
С тех пор эта история не выходит у меня из головы.*

*Я оглянулся на свое прошлое и теперь ясно вижу, что дела
у меня в жизни и карьере с 2012 г. идут не лучшим образом.*

Мне даже до сегодняшнего дня приходилось сталкиваться с некоторыми серьезными проблемами со здоровьем.

Я не знаю, существует ли «проклятие» на самом деле или нет, но я решил вернуть эти предметы туда, откуда их взял...

К какой из этих групп присоединился бы сам Стендаль? Конечно, не к «коллекционерам»: всю жизнь он был неутомимым путешественником, и у него не было места, где можно было бы держать накопленное добро, материальное и духовное. Отпадает и другая, довольно многочисленная, согласно исследованию, группа: те, кто ходит в музеи ради своего партнера или партнерши. Не говоря уже о тех, чей главный побудительный мотив — посещение общественных туалетов. Они тоже составляют отдельную группу, хотя, к счастью, совсем малочисленную!

Лучше всего Стендаль вписался бы в категорию тех, кого в специальной литературе называют «духовными странниками»³. Они идут в музей или в археологический парк, чтобы зарядиться энергией, лучше узнать себя, найти вдохновение и почувствовать свободу. Открыть для себя нечто новое, подобно ребенку — впервые. Не прорабатывать чужие списки достопримечательностей, а доверять собственному восприятию. Так посещение музея действительно может стать духовным опытом. Ведь речь идет о нас самих или о том, чтобы перерасти себя. Стендаль говорил о «небесных ощущениях», сопровождавшихся полным «истощением» собственного «я»⁴. Сегодня это может звучать претенциозно, но это вполне соответствовало тогдашнему словарю, который использовался для описания духовного опыта. Если обратиться к буддийской терминологии, это, вероятно, можно было бы назвать «первым уровнем созерцания».

Предупреждаем, что определенные побочные эффекты нельзя исключать, даже если последствия любования искусством для здоровья, как мы видели, научно не доказаны. Искусство

и археология имеют много общего с болью, потерей, смертью и насилием, совсем как наша собственная история. В Помпеях, городе, который в 79 г.н.э. был «заживо погребен» Везувием, это ощущается сильнее, чем где бы то ни было. При виде гипсовых слепков детей, погибших во время катастрофы, даже после многих лет научной работы, для которой такие артефакты, собственно, и являются «сокровищницами», исследователь во мне отключается. Пятилетний мальчик, которого после 18 часов пемзового дождя и тьмы накрыло 400-градусной волной пыли и пепла, пробуждает во мне первобытный детский страх: остаться одному в самой страшной беде. Мама и папа ведь уже ничем не могли помочь, они боролись за собственную жизнь.

С другой стороны, никакое научное описание не способно запечатлеть тот момент маленького счастья, когда мы с Кристофером Кларком, приехавшим в Помпеи на съемки документального фильма, наткнулись в хранилище на небольшую скульптуру спящего мальчика-рыбака. Плащ, которым он накрылся, оказался коротковат, поэтому он свернулся клубочком, чтобы не замерзнуть, — точно так же иногда делает мой восьмилетний сын. Его кувшин с водой опрокинулся, из корзины, лежащей на земле, ворует еду крыса. В самый разгар съемочного процесса это было как привет, прилетевший от нашего внутреннего счастливого ребенка. Мы тогда спонтанно решили включить эту скульптуру в документальный фильм.

В связи с этим мне приходят на ум две фразы из описания Стендалем своих флорентийских переживаний, они говорят нам гораздо больше, нежели часто цитируемые слова про сердцебиение и головокружение, которые он испытал по дороге из церкви: «...все это так много говорит моей душе. Ах, если бы я мог забыть!...»^{*.5}

* Цит. по: Стендаль. Рим, Неаполь и Флоренция / Пер. Н. Рыковой. — СПб.: Азбука, 2017. С. 274.

Почему забыть? Я точно не знаю, но подозреваю, что это означает: такого рода опыт не поддается коллекционированию и архивированию, а еще его нельзя заранее спланировать, как поход в ресторан. Но прежде всего, потому что все наши предварительные знания тут скорее помешают, нежели помогут, и поэтому на мгновение лучше обо всем забыть. Такая встреча случается в этот момент между тобой и произведением искусства, а потом она заканчивается. И то, что от нее остается, — это не закрепленное знание, не галочка в списке, а лишь кратковременный побег из плена настоящего: рукотворные предметы и произведения искусства, созданные сотни или даже тысячи лет назад, вдруг начинают разговаривать с нами, если мы к ним прислушиваемся. К группе «странников духа» относятся те, кто ходит в музей, чтобы вот так прислушаться, и они рискуют испытать синдром Стендаля.

Мы все можем присоединиться к этой группе. С точки зрения психологов, занимающихся музеями, это довольно просто, попробуйте сами: представьте, когда вы идете в музей, что кто-то спрашивает вас для научного исследования, чего вы от этого посещения ожидаете. И вы отвечаете: чтобы увиденное заговорило с моей душой!

ЧТО НАМИ ДВИЖЕТ?

Конечно, все не так просто. Возможно, студент-психолог, раздающий анкеты, тоже не понимает литературных намеков и воспринимает вас как шутника, не желающего отвечать всерьез. Именно поэтому я написал эту книгу. Она начинается там, где, на мой взгляд, скрыт один из источников проблемы. Тому, кто пускается в странствия, необходим двигатель, который его направляет. Нечто, что нас привлекает, подобно тому как Стендаля влекла к себе Италия, страна, куда он постоянно возвращался.

У каждого есть такой двигатель, но мы, археологи и историки искусства, надо признать, делаем поразительно мало, чтобы его запустить. Ведь мы сами часто не понимаем, откуда черпаем энергию, чтобы годами изучать разбитые амфоры или фрагменты надписей. И в результате мы начинаем дрейфовать в сторону чистого коллекционирования фактических знаний и книжных ссылок. Поэтому никого не должно удивлять, что и публика застревает на коллекционировании.

Можно представить это следующим образом: молодой человек поступает в университет на отделение археологии в надежде, что «все живо заговорит с его душой». Но в университете о душе и речи нет. Вместо этого начинается сплошное коллекционирование: оценок, дипломов и каталогов. В археологии мы составляем каталоги всего и вся: ваз, саркофагов, изобразительных мотивов, типов зданий, а также гвоздей, доменных шлаков и черепицы, найденных при раскопках. Позже, во время учебы в аспирантуре, начнется коллекционирование собственных публикаций, поскольку это крайне важно для дальнейшего карьерного роста. Когда вы перейдете на следующий уровень, все продолжится: теперь важным становится стороннее финансирование — деньги на проекты от Немецкого исследовательского фонда или ЕС, с которыми уже можно подать заявку на должность профессора. Потому что решающим при оценке кандидатов является то, сколько средств они привлекли из внешних источников финансирования.

Тот, кто к этому моменту еще не забыл о вещах, которые «живо говорят с душой», в подавляющем большинстве случаев научился держать их при себе как нечто настолько сугубо личное, ненаучное, детское, что даже и признаваться в этом, возможно, немного неловко. То, что изначально было движущей силой, в научном мире считают неважным или даже прячут, как мотор машины — под капот. В итоге мы

обучаем новые поколения коллекционировать публикации и привлекать финансирование извне, разрабатываем проекты для научных выставок и музеев, не особенно задумываясь об ощущениях как таковых, не говоря уже о «небесных».

Ладно, признаюсь, все это немного преувеличено и наверняка не совсем справедливо. У меня было несколько фантастических учителей, щедро поделившихся со мной своим вдохновением, открытостью и душевностью. Однако это не было мейнстримом, а тот, кто поступает по-другому, часто плывет против течения.

Объяснять произведение искусства, древний город или целую культуру — все равно что сеять семена. Можно усовершенствовать технику посева, поливать, удобрять, ухаживать и лелеять ростки. Но для успеха нужно еще кое-что: плодородная почва. Плодородная почва — это возможность для аудитории дать этому семени прорасти. Без этого все усилия бессмысленны. В науке о взаимодействии с искусством (музеологии) эта способность обычно рассматривается как нечто, находящееся вне нашей досягаемости. Мы стараемся продумать все возможное, от освещения до надписей и доступности для людей с ограниченными возможностями, но посетителей мы принимаем такими, какие они есть. Точно так же, как компании принимают своих клиентов как данность. И это действительно так. Ни один музей или археологический парк не должен позволять себе выбирать свою публику: все и каждый — желанные гости.

Мы должны начинать с самих себя. Поэтому я решил в этой книге «приоткрыть капот»: на примере Помпей я объясню, что побуждает такого археолога, как я, всецело посвящать себя этому месту: от туалетов (это не шутка, у нас уже были недовольные посетители, писавшие по этому поводу министру культуры) до последних по времени раскопок, которые до сих пор добавляют новые, а порой и удивительные аспекты к нашему представлению об античном городе.

О ЧЕМ ИДЕТ РЕЧЬ

Кстати, то, о чем здесь идет речь, совсем не ново. Просто специалисты обычно обходят это молчанием. Удивительно, если посмотреть со стороны, как редко в университетской и музейной работе сквозь объективную видимую поверхность прорывается наружу то, что на самом деле движет нами эмоционально и «говорит с нашей душой». Понятно, что такое не пишут в заявках на гранты или в научных публикациях. Но то, что коллеги так редко касаются этой темы, все же немного странно. В конце концов, мы говорим не о квантовой механике, а о человеческом общении и опыте, ведь именно этим занимаются история искусства и археология.

План храма сам по себе совершенно неинтересен, если он не служит для реконструкции эстетического, религиозного, социального и эмоционального опыта, который с его помощью хотели передать заказчики строительства и архитекторы. С этой точки зрения в каждом строении заключен целый мир. И цель воссоздания этого мира состоит в том, чтобы расширить и, вероятно, также переосмыслить наш собственный мир. Другой мир возможен, следовательно, возможны и изменения. Вещи менялись в прошлом, иногда радикально, и будут меняться в будущем.

Тем не менее есть множество научных книг, заполненных планами храмов, но не содержащих ни слова о человеческом опыте, который связан с этими зданиями. И, что удивительно, есть авторы таких книг, которые никогда не зададутся вопросом не только о своем собственном эмоциональном опыте, но и об опыте древних посетителей храма. Для них собрать в одном месте и сопоставить планы — как будто бы самоцель, необходимая, чтобы получить одобрение некой вышестоящей бухгалтерской инстанции. Однако то, что в одном храме было 6×13 колонн, а в другом 6×14 , еще не является

знанием, тем более «научным», это просто цифры. Впрочем, подобное можно увидеть даже в некоторых путеводителях. Но ведь туристы сами стоят перед храмом и могут сосчитать колонны! Интереснее было бы объяснить, что происходило в этих колоннадах, но для многих это уже подозрительные спекуляции.

Поднимаясь по высоким ступеням древнегреческого храма, всем телом ощущаешь, что эти здания не созданы по человеческой мерке. Порог внутреннего пространства храма Нептуна в Пестуме, построенного в V в. до н. э., достигает 82 см в высоту. Таким образом, архитектура физически дает понять, что человек для нее слишком мал: греческий храм задуман как «дом божества», которое в нем «обитает». Кстати, я понял это только после того, как сам получил доступ во внутренние помещения храма, будучи директором Археологического парка Пестума, где я работал до перехода в Помпеи. Это было в 2015 г. После этого было принято решение открыть для публики внутренние пространства храмов, которые до этого были недоступны, — в случае с храмом, известным как «Базилика», даже с безбарьерным маршрутом, первым и пока единственным в археологических руинах такого рода.

В Помпеях я тоже стараюсь каждый день, когда не уезжаю в командировку, побыть среди двухтысячелетних домов. Если это не получается во время работы, из-за совещания на одной из многочисленных реставрационных площадок или экскурсии, я, прогуливаясь вечером, прошу охранников отпереть мне временно закрытые дома. В ходе таких, казалось бы, непродуктивных, но все же (или именно поэтому?) вдохновляющих прогулок мне часто приходят в голову новые идеи и внезапно открываются новые перспективы.

Во время учебы речь о таких вещах почти никогда не заходила. Я поступал в Берлинский университет имени Гумбольдта, воображая, что окажусь среди людей, разделяющих

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru